

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич фет fetathanasius
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич фет

1820–1892

Стихотворения
(Основное собрание)

Элегии и думы

«Когда мечтательно я предан тишине...»

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,
И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;
И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,
И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного
лобзанья, –

О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!

Как жить мне хочется до нового свиданья!

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желанья твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно – и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен...
он – ничей;

Лобзает ветр один руно его кудрей.

Рука, окрепшая в труде однообразном,

Минула берега, манящие соблазном.

Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло

Из ослабевших рук упущено весло;

Он скован, – ты поешь, ты блещешь

красотою,

Для взоров божество – сирена под водою.

«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»

Ее не знает свет, – она еще ребенок;

Но очерк головы у ней так чист и тонок,

И столько томности во взгляде кротких глаз,

Что детства мирного последний близок час.

Дохнет тепло любви, – младенческое око

Лазурным пламенем засветится глубоко,

И гребень, ласково-разборчив, будто сам

Пойдет медлительней по пышным волосам,

Персты румяные, бледнея, подлиннеют...

Блажен, кто замечал, как постепенно зреют

Златые гроздия, и знал, что, виноград

Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

«Тебе в молчании я простираю руку...»

Тебе в молчании я простираю руку

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.
Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться
длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.
Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полуночной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.
И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Одинокий дуб
Смотри, – синяя друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Всё кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?
Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?
И под изрытою корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.
Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка забудки
Глядят смелее в даль степей.
Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листья,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.
«Пойду навстречу к ним знакомою тропюю...»
Пойду навстречу к ним знакомою тропюю.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.

Иль мне слышалось? – В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.
«Томительно-призывно и напрасно...»
Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.
Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.
Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я – я торжествую
Хотя на миг бессмертия твое.
«Ты отстрадала, я еще страдаю...»
Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.
А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. –
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!
Очей тех нет – и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!
Ничтожество
Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоём рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условия первые земного бытия.
Сквозь слез младенческих обманчивой
улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка
за ошибкой,
я всё ищу добра – и нахожу лишь зло.
И дни сменяются утратой и заботой
(не всё ль равно: один или много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг – и ты в глазах с бездонностью
своей.
Что ж ты? Зачем? – Молчат и чувства
и познание.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты – это ведь я сам. Ты только отрицаешь
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.
Что ж я узнал? Пора узнать, что в мироздании,
Куда ни обратиться, – вопрос, а не ответ;
А я дышу, живу и понял, что в незнании
Одно прискорбное, но страшного в нем нет.
А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
я встретил бы твой край тем самым
резким криком,
С каким я некогда твой берег покидал.
Добро и зло
Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.
И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдешь.
Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.
И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.
Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как Бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.
Пари всезрящий и всеильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.

Смерти
Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!
Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.
Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу – ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

Ласточки
Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечерующим прудом.
Вот понеслась и зачертила –
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.
И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, –
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?
Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Осень
Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!
Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.
Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.
«Учись у них – у дуба, у березы...»
Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.
Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листья,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!
Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.
«Солнце садится, и ветер утихнул летучий...»
Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.
Солнца уж нет, нет и дня неустанных
стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!
«Еще одно забывчивое слово...»
Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох –
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.
Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.
«Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...»
Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе
стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.
«Дул север. Плакала трава...»
Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.
Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пеньи голосистом;
Лишь соловьишки робких чад
Хриплым подзывали свистом.
Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.
Прощай, соловушко! – И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.
«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»
Нет, я не изменил. До старости глубокой
я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадней и жестокой,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно
к другой, –
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.
Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.
«Светил нам день, будя огонь в крови...»
Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Младенчески мне тайны поверяла.
Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится,
И, разлучась навеки, мы пойдем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врознь стоять у двери гроба.
«Когда читала ты мучительные строки...»
Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, –
Не вспомнила ль о чем?
Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря,
И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, –
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!
«С солнцем склоняясь за темную землю...»
С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.
Станным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.
Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Всё бы, ах, всё бы с собою унести!
«Прости! во мгле воспоминанья...»
Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один, –
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.
Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастья и сил.
Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?
Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

«Устало всё кругом: устал и цвет небес...»
Устало всё кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.
Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертною истомой!
Угасшим звездам
Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуют, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, –
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вздоха!
«Еще люблю, еще томлюсь...»
Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.
Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.
Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.
«На кресле отвалясь, гляжу на потолок...»
На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.
Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом..
Нет, то не крыльев шум, то кони
у крыльца!
Я слышу трепетные руки..
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..
Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, –
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.
«Не упрекай, что я смущаюсь...»
Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.
Те грезы – жизнь их осудила –
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.
Уже мерцает свет, готовый
Всё озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.
«Ночь и я, мы оба дышим...»
Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что, струей своей колышим,
Напеваает нам фонтан.
– Я, и кровь, и мысль, и тело –
Мы послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы.
Мысль несется, сердце бьется,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
И заря потушит ночь.
«Всё, что волшебн так манило...»
Всё, что волшебн так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

И непробудно улеглось.
Нет ни надежд, ни сил для битвы –
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

Весна

«Уж верба вся пушистая...»
Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.
Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена –
И над душою каждою
Проносится весна.
«На заре ты ее не буди...»
На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.
И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.
А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.
И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.
Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Пчелы

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.
Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несусь.
Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.
Первый ландыш
О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!
Как первый луч весенний ярост!

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!
Так дева в первый раз вздыхает –
О чем – неясно ей самой, –
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.
Весенний дождь
Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.
А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.
Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.
«Глубь небес опять ясна...»
Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.
Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, –
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.
Но крылами вешних птиц
Он свежает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.
«Еще, еще! Ах, сердце слышит...»
Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,
И всё, что движется и дышит,
Задышит новою весной.
Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отсталых
Сегодня первый гром порвал.
«Сад весь в цвету...»
Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!
Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.
Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!
Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты – благодатная тайна моя.

Лето

«Как здесь свежо под липою густою...»
Как здесь свежо под липою густою –
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опухал.
А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебяся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.
За мглой ветвей синеют неба своды,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почившей природы,
Волнистые проходят облака.
«Зреет рожь над жаркой нивой...»
Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.
Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.
Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Осень

«Непогода – осень – куришь...»
Непогода – осень – куришь,
Куришь – всё как будто мало.
Хоть читал бы, – только чтение
Подвигается так вяло.
Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.
Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!
Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава Богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...
«Ласточки пропали...»
Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.
С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.
Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.
Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь – через поле
Перекасти-поле
Прыгает как мяч.
«Вот и летние дни убавляются...»
Вот и летние дни убавляются.
Где же лета лучи золотые?
Только серые брови сдвигаются,
Только зыблются кудри седые.
Нынче утром, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнул я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зарделось окошко.
Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, –

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Знать, опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!

Осенняя роза
Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.
Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.
Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.
«Опять осенний блеск денницы...»
Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.
И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

Снега
«Ветер злой, ветер крутой в поле...»
Ветер злой, ветер крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается.
При луне на версте мороз –
Огонечками.
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.
Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.
«Ночь светла, мороз сияет...»
Ночь светла, мороз сияет,
Выходи – снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем, полость застегну я, –
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, – замолчу я,
И – пошел куда-нибудь!
«На двойном стекле узоры...»
На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;
Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня.
Пред горящими дровами
Сядем – там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.
«Скрип шагов вдоль улиц белых...»
Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.
От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.
Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.
«Еще вчера, на солнце млея...»
Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.
Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.
Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо – всё одето
Каким-то тусклым серебром.
Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.
Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.
«Мама! глянь-ка из окошка...»
Мама! глянь-ка из окошка –
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело –
Видно, есть мороз.
Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней –
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.
Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

Гадания

«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»
Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет – и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.
Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Плавает, давит меня!
Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня..
Дух захватило в груди..
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня – сгинь, пропади!
«Помню я: старушка няня...»
Помню я: старушка няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,
И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;
Но зато я так влюбился,
Что приходится невмочь..
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.
Что, – не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

Мелодии

«Тихая, звездная ночь...»
Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.
Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.
Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь..
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.
«Я полон дум, когда, закрывши вежды...»
Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
Я полон дум.
Я всё с тобой, когда рука неволи
Владеет мной –
И целый день, туманно ли, светло ли, –
Я всё с тобой.
Вот месяц всплыл в своем сияньи дивном
На высоты,
И водомет в лобзаньи непрерывном, –
О, где же ты?
«Когда я блестящий твой локон целую...»
Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, –
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?
Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну –
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Хоть в сердце не веруй... хоть веруй
в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми –
И жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!
«Я долго стоял неподвижно...»
Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, –
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...
«Шумела полночная вьюга...»
Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валезник свистал на огне.
И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!
Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!
Серенада
Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, –
Спи, мое дитя.
Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, –
Спи, мое дитя.
Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, –
Спи, мое дитя.
«Весеннее небо глядится...»
Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.
Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.
Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.
Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.
«Вчера я шел по зале освещенной...»
Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.
И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различал едва,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.
Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы –
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»
И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую – пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.
«Всё вокруг и пестро так и шумно...»
Всё вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.
Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюсь я.
«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...»
Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.
Я и думать забыл про холодную ночь, –
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалось прочь,
Будто искры в дыму улетело.
Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупно, лениво.
И лениво и скупно мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.
Но нахмурится ночь – разгорится костер,
И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»
Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем
дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.
Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.
И много лет прошло, томительных
и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна –
любовь.
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!
«В дымке-невидимке...»
В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя

Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольню.
И тебе не томно?
И тебе не больно?
«Истрепались сосен мохнатые ветви от бури...»
Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей
лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет
ливень ручьями.
Никого! Ничего! Даже сна нет в постели
холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет
время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою
свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?
О, войди ж в этот мрак, улыбнись,
благоклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим
мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным
не поверю!
«Солнце ниже лучами в отвес...»
Солнце ниже лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!
Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!
Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!
«Сны и тени...»
Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,
Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.
Только минем
Сумрак свода, –
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.
«Только в мире и есть, что тенистый...»

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.
«Я тебе ничего не скажу...»
Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.
«Всё, как бывало, веселый, счастливый...»
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.
Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое всё по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.
Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, –
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.
«Сплю я. Тучки дружные...»
Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные –
По полям грядой.
Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И – вдвойне светло.
Уж не тени мрачные, –
Облака прозрачные
Смотрятся в стекло.
Сплю я. Безотрадную
Тканью непроглядную
Тянутся мечты;
Вдруг сама, заветная,
Кроткая, приветная,
Улыбнулась ты.
«Гаснет заря в забытии, в полусне...»
Гаснет заря в забытии, в полусне.
Что-то неясное шепчешь ты мне;
Ласки твои я расслушать хочу, –
«Знаю, ах, знаю», – тебе я шепчу.
В блеске, в румянном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя, –
Летняя вслед за тобою заря.
Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.
«Запретили тебе выходить...»
Запретили тебе выходить,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.
Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней –
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.
«Мы встретились вновь после долгой разлуки...»
Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжелой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.
Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!
Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, – мы сидели под ивой плакучей
И плакали, плакали мы!

Вечера и ночи
«Вдали огонек за рекою...»
Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.
Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелись!
А берег во мраке пропал.
Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?..
«Летний вечер тих и ясен...»
Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною рысью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.
«Шепот, робкое дыханье...»
Шепот, робкое дыханье,
Трепи соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..
Степь вечером
Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ящик, звеня и не пыля.
Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни – и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.
За облаком до половины скрыта,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.
Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.
Уж сумраком пыливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

Вечер

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немой,
Засветилось на том берегу.
Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.
На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханьи ночном, –
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

«Молятся звезды, мерцают и рдеют...»
Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре –
Всё же безмолвно горят их молитвы.

«Сегодня все звезды так пышно...»

Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.
Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
В лицо мне заря задышала?
Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье

Разгадывать стану прилежно.

«От огней, от толпы беспощадной...»

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.
Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.
И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только, что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.

Баллады

Змей

Чуть вечернею росой
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.
И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

В ярких искрах длинный змей.
И шумит всё ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.
И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.
Лихорадка

«Няня, что-то всё не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.
Всё как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».
«Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко – знаешь сам».
«Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»
«Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.
Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».
«Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы –
Лихорадка ли она?»

Видение
Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье:
Свершилось диво –
Земле подобает смиренье!
Прозрачные тучи
Над дикой Печорской горою
Сплывались в кучи
Под зыбью небес голубую,
И юноши в белом
Летали от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.
На тучах, высоко,
Всё выше, в сиянии славы,
Заметно для ока
Вставали Печерские главы.
Геро и Леандр
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море – только в море
Волн кочующих родник.
Тихо. Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море – чья победа?
Иль в зыбях, вторая леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?
Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.
Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветер летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.
Где ж он, Геро? С бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море – только в море
Волн кочующий родник.
Тайна
Почти ребенком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.
Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.
Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.
Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.
И, помню, стало мне вокруг
При нем всё так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.
Летели дни... промчался год...
Настал последний час –
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.
И долго-долго мне пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялась о нем
Кого-нибудь спросить.
Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».
И с этих пор – он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.
Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих – больной.
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!
Ворот
«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса, –
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.
Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Не спеши же класть поклоны,
«Богородицу» читать!
Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просят уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».
«Отчего же, няня, надо?»
«Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.
Твой хранитель, ангел Божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.
Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт – и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;
А закрыта душка, спрячет
Душку ворот – мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.
Над тобой Господня сила!
Дай, я ворот распушу,
Уж подушку я крестила –
И тебя перекрещу».

«На дворе не слышно вьюги...»
На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар.
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.
Няня старая не видит
И не слышит – всё прядет:
Мочку левою пощиплет,
Правой нитку отведет.
А ребенок всё играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.
Вот задумалась няня,
Со свечи нагар сняла
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.
«Дай-ка ручки! – Няня хочет
Посмотреть на их черты. –
Что, на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»
Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вот заплакала – и плачет
Мальчик, глядя на нее.
Легенда
Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.
«Разгуляйся в поле», – сыну
Говорил старик.
Знать, сыновню кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремянами
Княжий аргамак;

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.
Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.
Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.
Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь поворотил.
Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился –
И махнул рукой.

Антологические стихотворения

Греция
Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унижена росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,
Где храм оставленный подъял свой купол
белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ
бежит, –
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.
Вотще... В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.
Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, – ставши в тесный круг, красавицы
шептали...
«Эллада!» – слышалось мне часто в тишине.
Вакханка
Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанья полны.
Диана
Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, –
Его неподвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, –
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, – она пойдет с колчаном
и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы
град,
На желтоводный Тибр, на группы
колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор
недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.
Кусок мрамора
Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой
мрамор начатый,
Тщетно пытливая мысль хочет загадку
решить:
Что одевает кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело. Фавна ль изменчивый
лик,
Змей примирителя – жезл, крылья и стан
быстроногий,
Или стыдливости дев с тонким перстом
на устах?
«С корзиной, полною цветов, на голове...»
С корзиной, полною цветов, на голове
Из сумрака аллея она на свет ступила, –
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;
Но и под тению узнаешь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки –
По светлomu зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.
«Питомец радости, покорный наслажденью...»
Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля
приглашенью,
Ты наш вечерний пир вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоня сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей,
И яства сочные с их паром благовонным,
Отрадно-лакомым гулякам утонченным,
И – отчих кладовых старинное добро –
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветерок ночной, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И ученица муз Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая, как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливал вчера рукою беспощадной, –

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Но вспоминал тебя и, знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.
«В златом сиянии лампы полусонной...»
В златом сиянии лампы полусонной
И отворя окно в мой садик бдаговонный,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я легкую кудрей ее игру:
Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало..
«Уснуло озеро; безмолвен черный лес...»
Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.
Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, –
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...
К красавцу
Природы баловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравятся твой рост, и гордый облик твой,
И кудри пышные, беспечностью завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да, он мой – его отдайте мне!»
Как сон младенчества, как первые лобзанья
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести в их памяти живешь,
Улыбкам учишь их и к зеркалу зовешь;
Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.
Золотой век
Auch ich war in Arkadien geboren.

Schiller[1]

Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.
Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн эгейских с высоты.
Под пихтою душистой и красивой
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно верить, что Сатурн ревнивый
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.
И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горячим,
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.
Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Всё празднично кругом.
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Неслышные, в ярме пред колесницей
Идут, махая весело хвостом.
А вот и он, красавец ненаглядный,
Среди толпы ликующих – Лией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной –
Бессмертной избранницей своей.
У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.
Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И, хохоча в смятеньи полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.
Венера Милосская
И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.
Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!
Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.
Сон и смерть
Богом света покинута, дочь Громовержца
немая,
Ночь Гелиосу вослед водит возлюбленных
чад.
Оба и в мать и в отца зародились
бессмертные боги,
Только несходны во всем между собой
близнецы:
Смуглоликий, как мать, творец,
как всезрящий родитель,
Сон и во мраке никак дня не умеет забыть;
Но просветленная дочь лучезарного Феба,
дыханьем
Ночи безмолвной полна, невозмутимая
Смерть,
Увенчавши свое чело неподвижной звездой,
Не узнает ни отца, ни безутешную мать.

Море

«Ночь весенней негой дышит...»
Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилась даль.
Долго будет утомленный
Спать с фетидой Феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.
Вечер у взморья
Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,
Тишина леса объемлет,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.
Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,
Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озаренном.
«Как хорош чуть мерцающим утром...»
Как хорош чуть мерцающим утром,
Амфитрита, твой влажный венчик!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!
Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив,
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.
Остров вырос над тенью зеленой;
Ни движенья, ни звука в тиши,
И, погнувшись над влагой соленой,
В крупных каплях стоят камыши.
После бури
Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.
Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.
Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. –
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.
«Вчера расстались мы с тобой...»
Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. – Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.
И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.
А нынче – как моя душа,
Волна светла, – и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена
И задрожал весь хор небесный.

Море и звезды
На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалась бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалась звездной.
Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебную силу веяло в душу.
Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилось горе,
Как будто бы звезды тебя победили.

Разные стихотворения

«Я знал ее малюткою кудрявой...»
Я знал ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она
Казалась вся из резвости лукавой
И скромности румяной сложена.
И в те лета какой-то круг влеченья
Был у нее и звал ее ласкать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.
Я знал ее красавицей; горели
Ее глаза священной тишиной, –
Как светлый день, как ясный звук свирели,
Она неслась над грешною землей.
Я знал его – и как она любила,
Как искренно пред ним она цвела,
Как много слез она ему дарила,
Как много счастья в душу пролила!
Я видел час ее благословенья –
Детей в слезах покинувшую мать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.
«О, не зови! Страстей твоих так звонок...»
О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?
Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
Лежит в пыли.
Я это знал – с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.
Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
И не зови – но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу –
И за тобой!
«Я пришел к тебе с приветом...»
Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;
Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Что душа всё так же счастью
и тебе служить готова;
Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
что не знаю сам, что буду
Петь, – но только песня зреет.
Деревня
Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.
Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар.
Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злочки;
На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;
И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;
Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек,
И речи замедленный ход;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!
«Растут, растут причудливые тени...»
Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.
Что звало жить, что силы горячило
далеко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землей.
И на тебя как на воспоминанье
я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно всё окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.
Сосны
Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.
В кругу воскреснувших соседей лишь она
Не знает трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.
Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны
и возрожденья, –
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.
«Не спрашивай, над чем задумываюсь я...»
Не спрашивай, над чем задумываюсь я:

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Мне сознаваться в том и тягостно и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь минувших лет уносится невольно.
Сиянье прелести тогда в свой круг влекло:
Взглянул – и пылкое навстречу сердце
рвется!
Так голубь, бурю застигнутый, в стекло,
Как очарованный, крылом лазурным бьется.
А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной,
Но сердце глупое, как ветхие часы,
Коли забьет порой, так всё свой час заветный.
Я помню, отроком я был еще; пора
Была туманная, сирень в слезах дрожала;
В тот день лежала мать больна, и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала.
Не мчались ласточки, звеня, перед окном,
И мошек не толклись блестящих вереницы,
Сидели голуби, нахохлившись, рядом,
И в липник прятались умолкнувшие птицы.
А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась как подвеска,
Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте, –
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.
Тот плач давно умолк, – кругом и смех
и шум;
Но сердце вечно, знать, пугаться не отвыкнет;
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум...
И трепещу – вот-вот зловещий ворон
крикнет.
«Ты расточительна на милые слова...»
Ты расточительна на милые слова,
А в сердце мне не шлешь отрадного привета
И втайне думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.
Я тоже жду; я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подметить миг участия,
Чтобы в глазах твоих, загадочных как ночь,
Затрепетали звезды счастья.
Я жду, я жажду их; мечтателю в ночи
Сиянья не встречать пышнее и прелестней,
И знаю – низойдут их яркие лучи
Ко мне и трепетом, и песней.
«Какое счастье: и ночь, и мы одни!..»
Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река – как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!
О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!
Я болен, я влюблен; но, мучась и любя –
О слушай! о пойми! – я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя –
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!
«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...»
Что за ночь! Прозрачный воздух скован;
Над землей клубится аромат.
О, теперь я счастлив, я взволнован,
О, теперь я высказаться рад!
Помнишь час последнего свиданья!
Безотраден сумрак ночи был;
Ты ждала, ты жаждала признанья –
я молчал: тебя я не любил.
Холодела кровь, и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

И сказать мне правду было жаль.
Но теперь, когда дрожу и млею
И, как раб, твой каждый взор ловлю,
Я не лгу, назвав тебя своею
И клянюсь, что я тебя люблю!
Старый парк
Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листья,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.
Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.
Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают.
Полузатертые чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.
Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Виясь как желтый змей, бежит на дно долины.
И солнце вырвалось из тучи, и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.
Один. Ничьих шагов не слышу за собой.
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.
Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает
И, медленно скользя по выгнутой черте,
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.
«Теплый ветер тихо веет...»
Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.
И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.
К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.
«Последний звук умолк в лесу глухом...»
Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою..
О, скоро ли в безмолвии ночном,
Прекрасный друг, увижусь я с тобой?
О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?
Скользит туман прозрачный над рекой,
Как твой покров, свиваясь и белея..
Час фей настал! Увижусь ли с тобой
Я в царстве фей, мечтательная фея?
Иль заодно с тобой и ночь, и мгла
Меня томят и нежат в заблужденьи?
Иль это страсть больная солгала
И жар ночной потухнет в песнопеньи?

Ива
Сядем здесь, у этой ивы.

Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!
Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.
В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.
«Какие-то носятся звуки...»
Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.
Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...
И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.
«В темноте, на треножнике ярком...»
В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.
Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.
Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонились прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.
Ивы и березы
Березы севера мне милы, –
Их грустный, опущенный вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.
Но ива, длинными листьями
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.
Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.
Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.
Музе
Надолго ли опять мой угол посетила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этот раз собою воплотила?
Чьей речью ласковой сумела подкупить?
Дай руку. Сядь. Зажги свой факел
Вдохновенный.
Пой, добрая! В тиши признаю голос твой

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

И стану, трепетный, коленапреклоненный,
Запоминать стихи, пропетые тобой.

Как сладко, позабыв житейское волнение,
От чистых помыслов пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вечно девственным словам твоим внимать.

Пошли, небесная, ночам моим бессонным
Еще блаженных снов и славы и любви,
И нежным именем, едва произнесенным,
Мой труд задумчивый опять благослови.

«Был чудный майский день в Москве...»

Был чудный майский день в Москве;
Кресты церковей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

Я под окном сидел, влюблен,
Душой и юн и болен.

Как пчелы, звуки вдалеке
Жужжали с колоколен.

Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдаленьи;

Неволью дрогнула душа
При этом стройном пеньи.

И шел и рос поющий хор, –
И непонятной силой

В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой.

И шел и рос поющий хор, –
И черною грядюю

Тянулся набожно народ
С открытой головою.

И миновал поющий хор,
Его я минул взором,

И гробик розовый прошел
За громогласным хором.

Струился теплый ветерок,
Покровы колыхая,

И мне казалось, что душа
Парила молодая.

Весенний блеск, весенний шум,
Молитвы стройной звуки –

Всё тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.

За гробом шла, шатаюсь, мать.
Надгробное рыданье! –

Но мне казалось, что легко
И самое страданье.

«Только станет смеркаться немножко...»

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнёт ли звонок,

Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи, –
От камина светло и тепло;

Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грезы,
Для которых – всё блеск впереди;

Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,

И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

«Молчали листья, звезды рдели...»

Молчали листья, звезды рдели
И в этот час

С тобой на звезды мы глядели,

Они – на нас.
Когда всё небо так глядится
В живую грудь,
Как в этой груди затаится
Хоть что-нибудь?
Всё, что хранит и будит силу
Во всем живом,
Всё, что уносится в могилу
От всех тайком,
Что чище звезд, пугливей ночи,
Страшнее тьмы,
Тогда, взглянув друг другу в очи,
Сказали мы.
Георгины
Вчера – уж солнце рдело низко –
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.
Как много пылких или томных,
С наклоном бархатных ресниц,
Веселых, грустных и нескромных
Отвсюду улыбалось лиц!
Казалось, нет конца их грезам
На мягком лоне тишины, –
А нынче утренним морозом
Они стоят опалены.
Но прежним тайным обаяньем
От них повеяло опять,
И над безмолвным увяданьем
Мне как-то совестно роптать.
«Если ты любишь, как я, бесконечно...»
Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь, –
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь.
О, не считай их! в них, силой волшебной,
Каждый порыв переполнен тобою;
Так в роднике за струею целебной
Прядает влага горячей струею.
Пей, отдавайся минутам счастливым, –
Трепет блаженства всю душу обнимет;
Пей – и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет.
«Чем тоске, и не знаю, помочь...»
Чем тоске, и не знаю, помочь;
Грудь прохлады свежительной ищет,
Окна настезь, уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливается-свищет.
Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.
Точно думы всё те же и в нем,
Точно судит меня он с певцом, –
Не проронит ни вздоха, ни трели.
На заре только клонит ко сну,
Но лишь яркий багрянец замечу –
Разгорюсь – и опять не усну.
Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу.
«В душе, измученной годами...»
В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где всё нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам.
Для мира путь к нему заглохнет, –
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
Чем путь укажет мой язык.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Скажи же – как, при первой встрече,
Успокоительно светла,
Вчера – о, как оно далече! –
Живая ты в него вошла?
И вот отныне поневоле
В блаженной памяти моей
Одной улыбкой нежной боле,
Одной звездой любви светлей.

Сонет

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена, –
Мои сгибаются колени
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письмена.
В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать
И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать.
«Толпа теснилася. Рука твоя дрожала...»
Толпа теснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бегущий с плеч атлас.
Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала;
Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз.
А он? С усилием сложил он накрест руки,
Стараясь подавить восторг в груди своей,
И часа позднего пророческие звуки
Смешались с топотом помчавшихся коней.
Казались без конца тебе часы ночные;
Ты не смежила вежд горячих на покой,
И сифы резвые и феи молодые
Всё «завтра» до зари шептали над тобой.
«Как нежишь ты, серебряная ночь...»
Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли – и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!
Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля – и теплится, как море.
Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью
звездной

И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

Купальщица

Игривый плеск в реке меня остановил
Сквозь ветви темные узнал я над водою
Ее веселый лик – он двигался, он плыл, –
Я голову признал с тяжелою косою.
Узнал я и наряд, взглянув на белый хрящ,
И превратился весь в смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвав кристальный плащ,
Вдавила в гладь песка младенческую ногу.
Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листья у лилии стыдливой.

Тополь

Сады молчат. Унылыми глазами
С унынием в душе гляжу вокруг;
Последний лист разметан под ногами,
Последний лучезарный день потух.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недуг
И, трепеща по-прежнему листьями,
О вешних днях лепечешь мне как друг.
Пускай мрачней, мрачнее дни за днями
И осени тлетворный веет дух;
С подъятыми ты к небесам ветвями
Стоишь один и помнишь теплый юг.
«Не избегай; я не молю...»
Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли
И повторять тебе: «люблю».
Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать – и умереть!
«В благословенный день, когда стремлюсь...»
В благословенный день, когда стремлюсь
душою
В блаженный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание выносит предо мною
Нерукотворные черты.
Пред тенью милою коленопреклоненный,
В слезах молитвенных я сердцем оживу
И вновь затрепещу, тобою просветленный, –
Но всё тебя не назову.
И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
На имя нежное твое.
Музе
Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.
Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.
Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.
«Ты так любишь гулять...»
– Ты так любишь гулять;
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зори – нет их нежней,
И таких уж ночей
Не дождешься.
– Милый мой, мне невмочь,
Истомилась, всю ночь
Тосковала.
Я бежала к прудам,
А тебя я и там
Не сыскала.
Но уж дальше к пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты.
Там над самой водой
Станный, черный, кривой
Пень ракиты.
И не вижу я пня,
И хватает меня
Страх напрасный, –
Так и кажется мне,
Что стоит при луне

Тот ужасный!
«Ныне первый мы слышали гром...»
Ныне первый мы слышали гром,
Вот повеяло сразу теплом,
И пришло мне на память сейчас,
Как вчера ты измучила нас.
Целый день, холодна и бледна,
Ты сидела безмолвно одна;
Вдруг ты встала, ко мне подошла
И сказала, что всё поняла:
Что напрасно жалеть о былом,
Что нам тесно и тяжело вдвоем,
Что любви затерялась стезя,
Что так жить, что дышать так нельзя,
Что ты хочешь – решилась – и вдруг
Разразился весенний недуг,
И, забывши о грозных словах,
Ты растаяла в жарких слезах.
«Жду я, тревогой объят...»
Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.
Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.
Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.
Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверное ты!
«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...»
Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, –
Ничего ты на всё не ответила мне.
Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, –
Ничего ты на всё не ответила мне.
Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, –
Мне и тут ничего не ответила ты.
С опочившей я глаз был не в силах
отвезть, –
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? –
Ничего, ничего не ответила ты!
«Как беден наш язык! – Хочу и не могу...»
Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.
«Ты помнишь, что было тогда...»
Ты помнишь, что было тогда,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Как всюду ручьи бушевали
И птиц косяками стада
На север, свистя, пролетали,
И видели мы средь ветвей,
Еще не укрытых листьями,
Как, глазки закрыв, соловей
Блаженствовал в песне над нами.
К себе зазывала любовь
И блеском и страстью пахучей,
Не только весельем дубов,
Но счастьем и ивы плакучей.
Взгляни же вокруг ты теперь:
Всё грустно молчит, умирая,
И настужь раскинута дверь
Из прежнего светлого рая.
И новых приветливых звезд
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнезд,
Взбалкали усталые птицы.
Не может ничто устоять
Пред этой тоской неизбежной,
И скоро пустынную гладь
Оденет покров белоснежный.
«Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой...»
Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой
поник, –
У дыханья цветов есть понятный язык:
Если ночь унесла много грез, много слез,
Окружусь я тогда горькой сладостью роз!
Если тихо у нас и не веет грозой,
Я безмолвно о том намекну резедой;
Если нежно ко мне приласкалась мать,
Я с утра уже буду фиалкой дышать;
Если ж скажет отец «не грусти, –
я готов», –
С благовоньем войду апельсинных цветов.
«Как богат я в безумных стихах!..»
Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
Все росинки под ними жемчужин.
Выходи, красота, не робей!
Звуки есть, дорогие есть краски:
Это всё я, поэт-чародей,
Расточу за мгновение ласки.
Но когда ты приколешь цветок,
Шаловливо иль с думой лукавой,
И, как в дымке, твой кроткий зрачок
Загорится сердечной отравой,
И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею, –
О, как беден, как жалок тогда,
Как беспомощен я пред тобою!
«В вечер такой золотистый и ясный...»
В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханьи весны всепобедной
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
Ты о любви нашей робкой и бедной.
Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетленным закатом
В тихом заливе себя повторяет.
Что же тут мы или счастье наше?
Как и помыслить о нем не стыдиться?
В блеске, какого нет шире и краше,
Нужно безумствовать – или смириться!
«Упреком, жалостью внушенным...»
Упреком, жалостью внушенным,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Не растравляй души больной;
Позволь коленапреклоненным
Мне оставаться пред тобой!
Горя над суетной землею,
Ты милосердно разреши
Мне упиваться чистотою
И красотой твоей души.
Глядеть, каким прозрачным светом
Окружена ты на земле,
Как божий мир при свете этом
В голубоватой тонет мгле!
О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив!
Зной
Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейке вдвоем?
Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить – невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.
И как будто истомою жадной
Нас весна на припеке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...
«Давно ль на шутики вызывала...»
Давно ль на шутики вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вот сурово замолчала,
Тепло участия пропало,
И на душе ее зима.
– Друг, не зови ее суровой.
Что снегом ты холодным счел –
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной душистый цвет садовый,
Весенний вздох и счастье пчел.

«Из тонких линий идеала...»
Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но всё ты вдруг приобрела.
Твой взор открытей и бесстрашней,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
И соучастница греха.
«Завтра – я не различаю...»
Завтра – я не различаю;
Жизнь – запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!
Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный?
Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня – стыдно,
А безумствовать – разумно.
«Роящимся мечтам лететь дав волю...»
Роящимся мечтам лететь дав волю
К твоим стопам,
Тебя никак смущать я не позволю
Любви словам.

Я знаю, мы из разных поколений
С тобой пришли,
Несходных слов и розных откровений
Мы принесли.
Перед тобой во храмине сердечной
Я затворюсь
И юности ласкающей и вечной
В ней помолюсь.
«Давно в любви отрады мало...»
Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко – горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы.
Оставь меня, смешай с толпою!
Но ты отвернулась, а сетуешь, видно,
И всё еще больна ты мною..
О, как же мне тяжело и как мне обидно!
«Ель рукавом мне тропинку завесила...»
Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, –
Я ничего не пойму.
Ветер. Кругом всё гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.
Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.
«Не могу я слышать этой птички...»
Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь, – хоть молча не вздохнуть.
Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слышать меня.
Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!
«Когда смущенный умолкаю...»
Когда смущенный умолкаю,
Твоей суровостью томим,
Я всё в душе не доверяю
Холодным колкостям твоим.
Я знаю, иногда в апреле
Зима нежданно набежит
И дуновение метели
Колючим снегом закружит.
Но миг один – и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.
«Она ему – образ мгновенный...»
Она ему – образ мгновенный,
Чарующий ликом своим,
Он – помысл ее сокровенный;
Да кто это знает, да кто это выскажет им?
И, словно велением рока,
Их юные крылья несут..
Так теплится счастье далеко,
Так холоден ближний, родимый приют!
Пред ним – сновидение рая,
Всевластный над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

Послания, посвящения и стихотворения на случай
Графине С. А. Толстой
Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.
И вот, исполнен обаянья
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
Всю чистоту твоей души.
Пускай терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
Закат любви благословлять.
Хоть меркнет жизнь моя бесследно,
Но образ твой со мной везде;
Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде.

Стихотворения, не вошедшие в основное собрание
Лирический пантеон
Безумная
Ах, не плачь и не тужи,
Мать родная! Покажи,
Где его могила!
Иль не знаешь ты того,
Как я нежила его,
Как его любила?
Ох, родная, страшно мне:
Он мерещится во сне
С яркими очами!
Всё кивает головой
И зовет меня с собой
Грозными речами.
Нет, родная, бог уж с ним!
Не пойду я вслед за ним:
Он меня задушит.
Пусть он спит в земле сырой;
Мой приход его покой
В гробе не нарушит.
Ох, родная, покажи,
Где он, где он? – Задуши
Ты меня, мой милый!
Сладко я умру с тобой;
Ты поделишься со мной
Тесною могилой.
Не задушишь ты меня:
Обовьюсь вокруг тебя
Жадными руками;
Я прижмусь к твоим устам
И полжизни передам
Мертвецу устами.
Что ж ты смотришь на меня?
Мне смешно и без тебя:
Сердце лопнуть хочет!
Тяжко мне среди людей!
Слышишь... Свищет соловей,
И сова хохочет.
Ха-ха-ха! так смех берет!
То из раны кровь польет,
То застынет снова;
Жадно кровию напьюсь,
Сладко-сладко захлебнусь
Кровию милова.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

В чистом поле он убит
И в сырой земле лежит
С раною кровавой.
Кровь и слезы – слезы – кровь,
Где ж ты, где моя любовь
С головой кудрявой?
Вскинусь птицей, полечу,
Черны кудри размечу
По челу кольцами.
Улыбнись же, полно спать!
Это я пришла играть
Черными кудрями!

Признание

Простите мне невольное признание!
Я был бы нем, когда бы мог молчать,
Но в этот миг я должен передать
Вам весь мой страх, надежду и желанье.
Я не умел скрываться. – Да, вам можно
Заметить было, как я вас любил!
Уже давно я тайне изменил
И высказал вам всё неосторожно.
Как я следил за милою стопой!
Как платья милого мне радостен был шорох!
Как каждый мне предмет был безотчетно
дорог,
Которого касались вы рукой!
Однажды вы мне сами в том признались,
Что видели меня в тот самый миг,
Как я устами к зеркалу приник,
В котором вы недавно улыбались.
И я мечтал, что к вам закралась в грудь
Моей души безумная тревога;
Скажите мне, – не смейтесь так жестоко:
Могла ли в вас наружность обмануть?
Но если я безжалостно обманут, –
Один ваш взгляд, один полунамек –
И нет меня, и я уже далек,
И вздохи вас печалить перестанут.
Вдали от вас измучуся, изною,
Ночь будет днем моим – ей буду жить,
С луной тоскующей о прошлом говорить;
Но вы любуйтесь веселою луною
И ваших девственных и ваших светлых дней
Участием в страдальце не темните;
Тогда – одно желанье: разрешите,
Лицо луны – или мое бледней?
Откровенность
Не силен жар ланит твоих младых
Расшевелить певца уснувшей воли;
Не мне просить у прелестей твоих
Очаровательной неволи.
Не привлекай и глазки не взводи:
Я сердце жен изведаль слишком рано;
Не разожжешь в измученной груди
Давно потухшего волкана.
Смотри, там ждет влюбленный круг мужчин,
А я стою желаний общих чуждый;
Но, женщины, у вас каприз один:
Вам нужны те, которым вы ненужны!
Вам надоел по розам мягкий путь
И тяжелы влюбленные беседы;
Вам радостно разжечь стальную грудь
И льстят одни тяжелые победы.
Но ты во мне не распалишь страстей
Ни плечками, ни шейкою атласной,
Ни благовонием рассыпанных кудрей,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Ни этой грудью сладострастной.
Зачем даришь ты этот мне букет?
Он будет мне причиною печали.
И я когда-то цвел, как этот цвет, –
Но и меня, как этот цвет, сорвали.
Ужель страдать меня заставишь ты?
Брось эту мысль: уж я страдал довольно –
От ваших козней, вашей простоты
И вашей ласки своевольной.
Другим отрадно быть в плену твоём,
Я ж сердце жен изведаль слишком рано;
Ни хитростью, ни истинным огнём
Не распалишь потухшего волкана.
Вакхическая песня
Побольше влаги светлой мне,
И пену через край!
Ищи спокойствия на дне
И горе запивай!
Вино богами нам дано
В замену летских струй:
Разгонит горести оно,
Как смерти поцелуй,
И новый мир откроет нам,
Янтарных струй светлей,
И я за этот мир отдам
Всю нить грядущих дней.
Лишь кубок, чокнув, закипит, –
Воспламенится кровь,
И снова в сердце проблескит
И радость и любовь!
В душе отвага закипит,
Свобода оживет,
И сын толпы не уследит
Орлиный мой полет!
«Солнце потухло, плавает запах...»
Весна, весна, пора любви.

Пушкин
Солнце потухло, плавает запах
Юных берез
В воздухе сладком; лодка катится
Вниз по реке;
Небо прозрачно, плавает месяц
В ясной воде.
Там, за рекою, звездною цепью
Блещут огни,
Тени мелькают, вторится эхом
Песнь рыбака;
Здесь, над горою, к другу склонившись
Легкой главой,
Милая Мери с нежной улыбкой
Шепчет: «Люблю».
Мери, ты любишь! Скоро умолкнет
Ночи певец,
Лист потемнеет, – будешь ли так же,
Мери, любить?..

Лирические стихотворения
1842–1892
«Щечки рдеют алым жаром...»
Щечки рдеют алым жаром,
Соболь инеем покрыт,
И дыханье легким паром
Из ноздрей твоих летит.
Дерзкий локон в наказанье
Поседел в шестнадцать лет...
Не пора ли нам с катанья?–

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Дома ждет тепло и свет –
И пуститься в разговоры
До рассвета про любовь?..
А мороз свои узоры
На стекле напишет вновь.
«Сосна так темна, хоть и месяцц...»
Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей.
То клонит ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,
То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.
И сладко дремать мне – и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далекий,
Зачем я так сильно люблю?
Вечерний сад
Не бойся вечернего сада,
На дом оглянися назад, –
Смотри-ка: все окна фасада
Зарею вечерней горят.
Мне жаль и фонтана ночного,
Мне жаль и жуков заревых,
Мне жаль соловья заревого
И ночи цветов распусковых.
Поверь мне: туман не коснется
Головки-малютки твоей,
Поверь, – ни одна не сомнется
Из этих упругих кудрей.
Поверь, что природа так гибко
Твоим покорится очам,
Поверь мне, что эта улыбка
Царица и дням и ночам.
Сопутники вечера – что ж вы?
Ответствуйте милой моей! –
Поверь мне, что узкой подошвы
Роса не коснется твоей.
«Безмолвные поля оделись темнотою...»
Безмолвные поля оделись темнотою.
Заря вечерняя сгорела, воздух чист,
В лесу ни ветерка, ни звука над водою,
Лишь по верхам осин лепечет легкий лист,
Да изредка певец природы благодатной
За скромной самкою, вспорхнув, перелетит
И под черемухой, на ветке ароматной,
Весенней песнию окрестность огласит.
И снова тихо всё. Уж комары устали
Жужжа влетать ко мне в открытое окно:
Всё сном упоено..
«Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...»
Как много, Боже мой, за то б я отдал дней,
Чтоб вечер северный прожить тихонько с нею
И всё пересказать ей языком очей,
Хоть на вечер один назвав ее своею,
Чтоб на главе моей лилейная рука,
Небрежно потонув, волосы приподнимала,
Чтоб от меня была забота далека,
Чтоб счастьем одному душа моя внимала,
Чтобы в очах ее слезинка родилась –
Та, над которой я так передумал много, –
Чтобы душа моя на всё отозвалась –
На всё, что было ей даровано от Бога!
«Ночь тиха. По тверди зыбкой...»
Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат;
Очи матери с улыбкой

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.
Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик...
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.
И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ливан.
Блудница
Но Он на крик не отвечал,
Вопрос лукавый проникая,
И на песке, главу склоняя,
Перстом задумчиво писал.
Во прахе, тяжело дыша,
Она, жена-прелюбодейка,
Золотовласая еврейка
Пред ним, грешна и хороша.
Ее плеча обнажены,
Глаза прекрасные закрыты,
Персты прозрачные омыты
Слезами горькими жены.
И понял Он, как ей сродно,
Как увлекательно паденье:
Так юной пальме наслаждение
И смерть – дыхание одно.
«Ночь. Не слышно городского шума...»
Ночь. Не слышно городского шума.
В небесах звезда – и от нее,
Будто искра, заронилась дума
Тайно в сердце грустное мое.
И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.
Тихо всё, покойно, как и прежде;
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти. Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь?
Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? – Нет, не объяснишь, –
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь Творца благодаришь.
Цыганке
Молода и черноока,
С бледной смуглостью ланит,
Прорицательница рока,
Предо мной дитя востока,
Улыбаяся, стоит.
Щеголяет хор суровый
Выраженьем страстных лиц;
Только деве чернобровой
Так пристал наряд пунцовый
И склонение ресниц.
Перестань, не пой, довольно!
С каждым звуком яд любви
Льется в душу своеволью
И горит мятежно-больно
В разволнованной крови.
Замолчи: не станет мочи
Мне прогрезить до утра
Про полуденные очи
Под навесом темной ночи
И восточного шатра.

В альбом
Я вас рассматривал украдкой,
Хотел постигнуть – но, увы!
Непостижимую загадкой
Передо мной мелькали вы.
Но вы, быть может, слишком правы,
Не обнажая предо мной, –
Больны ль вы просто, иль лукавы,
Иль избалованы судьбой.
К чему? Когда на блеск пурпурный
Зари вечерней я смотрю,
К чему мне знать, что дождик бурный
Зальет вечернюю зарю?
Тот блеск – цена ли он лишенья –
Он нежно свят – чем он ни будь,
Он дохновение творенья
На человеческую грудь.
«Я говорил при расставаньи...»
Я говорил при расставаньи:
«В далеком и чужом краю
Я сохраню в воспоминаньи
Святую молодость твою».
Я отгадал душой небрежной
Мою судьбу – и предо мной
Твой образ юный, образ нежный,
С своей младенческой красой.
И не забыть мне лип старинных
В саду приветливом твоём,
Твоих ресниц, и взоров длинных,
И глаз, играющих огнем.
Художнику
Не слушай их, когда с улыбкой злою
Всю жизнь твою поставят на позор,
И над твоей венчанной головою
Толпа взмахнет бесславия топор;
Когда ни сны, ни чистые виденья,
Ни фимиам мольбы твоей святой,
Ни ряд годов наук, трудов и бдений
Не выкупят тебя у черни злой...
Им весело, когда мольбой презренной
Они чело младое заклеят...
Но ты прости, художник вдохновенный,
Ты им прости: не ведают, что творят.
Прости
(Офелии)

Прости, – я помню то мгновенье,
Когда влюбленною душой
Благодарил я провиденье
За встречу первую с тобой.
Как птичка вешнюю зарю,
Как ангел отроческих снов,
Ты уносила за собою
Мою безумную любовь.
Мой друг, душою благодарной,
Хоть и безумной, может быть,
Я ложью не хочу коварной
Младому сердцу говорить.
Давно ты видела, я верю,
Как раздвояется наш путь!
Забыть тяжелую потерю
Я постараюсь где-нибудь.
Еще пышней, еще прекрасней
Одна – коль силы есть – цветы!
И тем грустнее, чем бесстрастней
Мое последнее прости.
Последнее слово
Я громом их в отчаяньи застигну,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Я молнией их пальмы сокрушу,
И месть на месть и кровь на кровь
воздвигну,
И злобою гортань их иссушу.
Я стены их сотру до основания,
Я камни их в пустыне размечу,
Я прокляну их смрадное дыханье,
И тела их я предам мечу.
Я члены их орлятам раскидаю,
Я кости их в песках испепелю,
И семя их в потомках покараю,
И силу их во внуках погублю.
На жертвы их отвечу я хулою,
Оставлю храм и не приду опять,
И девы их в молитве предо мною
Вотще придут стенать и умирать.
«Между счастьем вечным твоим и моим...»
Между счастьем вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.
Не клянись мне – я верю: я, точно,
любим –
И похвально твое постоянство;
Я и сам и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно-упруги!
Сколько веры в глазах!.. Я скажу не шутя:
Мне не выбрать милее подруги.
Но к чему тут обман? Говорим что хотим, –
И к чему осторожное чванство?
Между счастьем вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.

Метель

Ночью буря разозлилась,
Крыша снегом опушилась,
И собаки – по щелям.
Липнет глаз от резкой пыли,
И огни уж потушили
Вдоль села по всем дворам.
Лишь в избушке за дорогой
Одинокий и убогой
Огонек в окне горит.
В той избушке только двое.
Кто их знает – что такое
Брат с сестрою говорит?
«Помнишь то, что, умирая,
Говорили нам родная
И родимый? – отвечай!..
Вот теперь – что день, то гонка,
И крикливого ребенка,
Пóвек девкою, качай!
И когда же вражья сила
Вас свела? – ведь нужно ж было
Завертеться мне в извоз!..
Иль ответить не умеешь?
Что молчишь и что бледнеешь?
Право, девка, не до слез!»
«Братец милый, ради Бога,
Не гляди в глаза мне строго:
Я в ночи тебя боюсь».
«Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь – не беспокойся,
С ним по-свойски разочтусь!»
Ветер пуще разыгрался;
Кто-то в избу постучался.
«Кто там?» – брат в окно спросил.
«Я прохожий – и от снега
До утра ищу ночлега», –

Чей-то голос говорил.
«Что ж ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нет меня – так нет и лени!
Побеги проворней в сени
Да прохожего впусти».
Чрез порог вступил прохожий;
Помолясь на образ Божий,
Поклонился брату он;
А сестре как поклонился
Да взглянул, – остановился,
Точно громом поражен.
Все молчат. Сестра бледнеет,
Никуда взглянуть не смеет;
Исподлобья брат глядит;
Всё молчит, – лучина с треском
лишь горит багровым блеском,
да по кровле ветер шумит.
«Смотреть на вас и странно мне и больно...»
Смотреть на вас и странно мне и больно:
Жаль ваших взоров, ножек, ручек, плечек.
Скажите, кто вот этот человечек,
что подле вас стоит самодовольно?
Во мне вся кровь застынет вдруг неволью,
когда, при блеске двух венчальных свечек,
он вам подаст одно из двух колечек;
тогда в слезах молитесь богомольно.
но я на вас глядеть тогда не стану,
а то, быть может, сердце содрогнется.
к чему тревожить старую в нем рану? –
а то из ней, быть может, яд польется.
мне только легкой поступи и стану,
да скрытности дивиться остается.
к картине
не говори, что счастлив я,
что я хорош собой,
что бог благословил меня
прекрасною женой.
не говори, что жизнь сулит
мне счастье впереди,
что крошка-сын наш тихо спит,
прильнув к родной груди.
напрасных слов не расточай, –
ненужен мой ответ.
взгляни в глаза и отвечай:
что – счастлив я иль нет?
скажи – ты видишь по глазам, –
по сердцу ль мне покой, –
иль, может быть, я жизнь отдам
померяться с судьбой?
отдам, что было мне дано
блаженства и тоски,
за взгляд, улыбку, – за одно
пожатие руки.
«ты говоришь мне: прости!..»
ты говоришь мне: прости!
я говорю: до свиданья!
ты говоришь: не грусти!
я замышляю признанья.
дивный был вечер вчера!
долго он будет в помине;
всем, – только нам не пора;
пламя бледнеет в камине.
что же, – к чему этот взгляд?
где ж мой язвительный холод?
грусти твоей ли я рад?
знать, я надменен и молод?

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Что ж ты вздохнула? Цвести –
Цель вековая создання;
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Свобода и неволя
Видишь – мы теперь свободны:
Ведь одно свобода с платой;
Мы за каждый миг блаженства
Жизни отдали утратой.
Что ж не вижу я улыбки?
Иль сильнее всего привычка?
Или ты теперь из клетки
Поздно пущенная птичка?
Птичка-радость, друг мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь – я отверз объяття:
Полети ко мне в неволю.
«После раннего ненастья...»
После раннего ненастья
Что за рост и цвет обильный!
Ты даешь мне столько счастья,
Что сносить лишь может сильный.
Ныне чувства стали редки,
Ты же мне милей свободы;
Но боюсь я той беседки,
Где у ног починут воды.
Сердце чует, что недаром
Нынче счастье такое;
Я в воде горю пожаром,
А в глазах твоих – так вдвое.
«Мудрым нужно слово света...»
Мудрым нужно слово света,
Дружбе сладок глас участия;
Но влюбленный ждет привета –
Обновительного счастья.
Я ж не знаю: в жизни здешней
Думы ль правы, чувства ль правы?
Отчего так месяц вешний
Жемчугом осыпал травы?
Что они дрожат, как слезы, –
Голубого неба очи?
И зачем в такие грезы
Манит мглу любовник ночи?
Ждет он, что ли? Мне сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу, сердце чаще бьется,
И со мною что? – не знаю!
«Какая холодная осень!..»
Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.
Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.
«Опять я затеплю лампаду...»
Опять я затеплю лампаду
И вечную книгу раскрою,
Опять помолюсь Пречистой
С невольной-горячей слезою.
Опять посетит меня радость
Без бури тоски и веселья,
И снова безмолвные стены
Раздвинет уютная келья.
Прочь горе земное; одно лишь
Про землю напомнит мне внятно –
Когда, обращая страницу,

Увижу прозрачные пятна.
«Снова слышу голос твой...»
Снова слышу голос твой,
Слышу и бледнею;
Расставался, как с душой,
С красотой твоею!
Если б муку эту знал,
Чуял спозаранку, –
Не любил бы, не ласкал
Смуглую цыганку.
Не лелеял бы потом
Этой думы томной
В чистом поле под шатром
Днем и ночью темной.
Что ж напрасно горячить
Кровь в усталых жилах?
Не сумела ты любить,
Я – забыть не в силах.
«Как гений ты, неожиданный, стройный...»
Как гений ты, неожиданный, стройный,
С небес слетела мне светла,
Смирила ум мой беспокойный,
На лик свой очи привлекла.
Вдали ль душой ты иль меж нами,
Но как-то сладостно, легко
Мне пред тобою, с небесами
Сдружившись, реять высоко;
Без сожаленья, без возврата
Мне сладко чувства расточать
И на тебя очами брата
С улыбкой счастья взирать.
«Напрасно, дивная, смешавшись с толпою...»
Напрасно, дивная, смешавшись с толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду;
Судьба меня опять уж не сведет с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.
Ты раз явилась мне, как дивное виденье,
Среди бесчисленных, бесчувственных
людей, –
Но быстры молодость, любовь, и наслажденье,
И слава, и мечты, а ты еще быстрее.
Мне что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольню грудь полна, –
Как будто на заре, подняв завесу ночи,
Я вижу образы пленительного сна.
Да, сладок был мой сон хоть на одно
мгновенье!
Зато, невольною тоскою отягчен,
Брожу один теперь и жду тебя, виденье,
И ясно предо мной летает светлый сон.
«Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...»
Слеза слезу с ланиты жаркой гонит,
Мечта мечту теснит из сердца вон;
Мгновение мгновение хоронит,
И блещет храм на месте похорон.
Крылатый сон опережает брата,
За тучею несутся облака,
Как велика души моей утрата!
Как рана сердца страшно глубока!
Но мой покров я жарко обнимаю,
Хочу, чтоб с ним кипела страсть моя;
Нет, и забывшись, я не забываю, –
Нет, и в ночи безумно плачу я!
«Следить твои шаги, молиться и любить...»
Следить твои шаги, молиться и любить –
Не прихоть у меня и не порыв случайный:
Мой друг, мое дитя, поверь, – тебя хранить
я в сердце увлечен какой-то силой тайной.

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Постигнув чудную гармонию твою –
И нежной слабости и силы сочетанье,
Я что-то грустное душой предузнаю,
И жалко мне тебя, прекрасное созданье!
Вот почему порой заглядываюсь я,
Когда над книгою иль пестрою канвою
Ты наклоняешься пугливой головою,
А черный локон твой сбегает как змея,
Прозрачность бледную обрезавши ланиты,
И стрелы черные ресниц твоих густых
Сияющего дня отливами покрыты
И око светлое чернеет из-под них.
«Заревая вьюга...»

Заревая вьюга
Всё позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.
Подойти к окошку –
Долго ль до беды?
А проснутся завтра –
Разберут следы.
В огород – собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» –
И нельзя нейти!
По плетню простенком
Прoberусь как раз, –
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!

Ошибка
Не ведал жизни он и не растратил сил
В тоске бездействия, в чаду бесплодных
бредней;
Дикарь с младенчества, ее он полюбил
Любовью первой и последней.
Он не сводил очей с прекрасного чела;
Тоскливый взор его светился укоризной;
Он на нее смотрел: она ему была
Свободой, честью, отчизной.
Любимой песнию, улыбкой на устах
Напрасно скрыть она старалась страданья:
Он нежности любви искал в ее глазах –
И встретил нежность состраданья...
Расстались наконец. О, как порой легко
Прервать смущение бестрепетной разлуки!
Но в сердце у него запали глубоко
Порывы затаенной муки.
Ушел он на Восток. В горах, в развале битв,
Который год уже война его стихия.
Но имя он одно твердит среди молитв
И чует сердцем, где Россия...
Давно настала ночь, давно угас костер, –
Лишь два штыка вдали встречаются, сверкая,
Да там, на севере, над самой высью гор
Звезда сияет золотая.

Сонет

Угрюм и празден часто я брожу:
Напрасно веру светлую лелею, –
На славный подвиг силы не имею,
Для песни сердца слов не нахожу.
Но за тобой ревниво я слежу,
Тебя понять и оценить умею;
Вот отчего я дружбой горд твоею
И близостью твоею дорожу.
Спасибо жизни! Пусть по воле рока
Истерзана, обижена глубоко,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Душа порою в сон погружена, –
Но лишь краса душевная коснется
Усталых глаз – бессмертная проснется
И звучно затрепещет, как струна.
Шиллеру

Орел могучих, светлых песен!
С зарей открыл твой вещий взор,
Как бледен, как тоскливо тесен
Земного ока кругозор!
Впервой ширясь, мир ты мерил
Отважным взмахом юных крыл...
Никто так гордо в свет не верил,
Никто так страстно не любил.
И, веселясь над темной бездной,
Сокрывшей светлый идеал.
Никто земной в предел надзвездный
Парить так смело не дерзал.
Один ты океан эфира
Крылом надежным облетел
И в сердце огненное мира
Очами светлыми глядел.
С тех пор у моря света вечно
Твой голос всё к себе зовет,
Что в человеке человечно
И что в бессмертном не умрет.
«Какая ночь! Как воздух чист...»
Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!
Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.
«Я целый день изнемогаю...»
Я целый день изнемогаю
В живом огне твоих лучей
И, утомленный, не дерзаю
К ним возводить моих очей;
Но без тебя, сознавши смутно
Всю безотрадность темноты,
Я жду зари ежеминутно
И всё твержу: взойдешь ли ты?
«Твоя старушка мать могла...»
Твоя старушка мать могла
Быть нашим вечером довольна:
Давно она уж не была
Так зло-умно-многоглагольна.
Когда же взор ее сверкал,
Скользя по нас среди рассказа,
Он с каждой стороны встречал
Два к ней лишь обращенных глаза.
Ковра большого по углам
Сидели мы друг к другу боком,
Внемля насмешливым речам, –
А речи те лились потоком.
Восторгом полные живым,
Мы непритворно улыбались
И над чепцом ее большим
Глазами в зеркале встречались.
«Как ярко полная луна...»
Как ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здесь под тенью полотна,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Твое дыхание я слышу.
У неостывшего гнезда
Ночная песнь гремит и тает.
О, погляди, как та звезда
Горит, горит и потухает.
Понятен блеск ее лучей
И полночь с песнью своею,
Но что горит в груди моей –
Тебе сказать я не умею.
Вся эта ночь у ног твоих
Воскреснет в звуках песнопенья,
Но тайну счастья в этот миг
Я унесу без выраженья.
«Влачась в бездействии ленивом...»
Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.
Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы
И в зрелых жатвах круговины
Глубоко врезали серпы,
Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой –
И вдруг откроешь землянику,
Красней и слаще, чем весной.
«Я повторял: Когда я буду...»
Я повторял: «Когда я буду
Богат, богат!
К твоим серьгам по изумруду –
Какой наряд!»
Тобой любуюсь ежедневно,
Я ждал, – но ты –
Всю зиму ты встречала гневно
Мои мечты.
И только этот вечер майский
Я так живу,
Как будто сон овеял райский
Нас наяву.
В моей руке – какое чудо! –
Твоя рука,
И на траве два изумруда –
Два светляка.
«Заиграли на рояле...»
Заиграли на рояле,
И под звон чужих напевов
Завертелись, заплясали
Изумительные куклы.
Блеск нарядов их чудесен –
Шелк и звезды золотые.
Что за чуткость к ритму песен:
Там играют – здесь трепещут.
Вид приличен и неробок,
А наряды – загляденье;
Только жаль, у милых пробок
Так тела прямолинейны!
Но красой сияют вящей
Их роскошные одежды...
Что б такой убор блестящий
Настоящему поэту!
Романс
Угадал – и я взволнован,
Ты вошла – и я смущен,
Говоришь – я очарован.
Ты ли, я ли, или сон?
Тонкий запах, шелест платья, –
В голове и свет и мгла.
Глаз не смею приподнять я,

Соловей и роза. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius

Чтобы в них ты не прочла.
Лжет лицо, а речь двояко;
Или мальчик я какой?
Боже, Боже, как, однако,
Мне завиден жребий мой!
«Погляди мне в глаза хоть на миг...»
Погляди мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней:
Чем яснее безумство в твоих,
Тем блаженство мое несомненней.
Не дано мне витийство: не мне
Связных слов преднамеренный лепет! –
А больного безумца вдвойне
Выдают не реченья, а трепет.
Не стыжусь заиканий своих:
Что доступнее, то многоценней.
Погляди ж мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней.
«Что молчишь? Иль не видишь – горю...»
Что молчишь? Иль не видишь – горю,
Всё равно – отстрани хоть, приветь ли.
Я тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.
Отчего же сомненье свое
Не гасить мне в неведеньи этом?
Отчего же молчанье твое
Не наполнить мне радужным светом?
Может быть, я при нем рассмотрю,
В нем отрадного, робкого нет ли...
Хоть тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

Примечания

1 И я был рожден в Аркадии. Шиллер (нем.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!